

какой вандал здесь нет никаких вандалов

Матвей Болотов

Объявление о том, что где-то за пределами Линь Ян Шо бродят не слишком миролюбиво настроенные маги, которые могут в любой момент начать переть на монастырь грудью, ученики воспринимают каждый по-своему. Матвей, например, немедленно видит в этом повод вспомнить детство золотое, босоногое, и из детства перетащить как можно больше приемов и ухищрений, которые могут в случае чего оказать пользу при боевом столкновении – боевые столкновения же теперь возможны, на это ведь настоятель тяжело намекал с пасмурным челом? Болотов же, хоть и далеко не является образцом миролюбивой монастырской паиньки, под боевые столкновения не заточен вообще никак. Парень относительно неплохо умеет пользоваться прорицанием, несколько хуже ориентируется в лесах и читает следы – и вот на этом Матвей заканчивается.

С такой препаршивой комплектацией – нужно или срочно учиться чему-то еще, или возлагать сотню своих надежд на подручные средства. Понятно же, что второе проще и интереснее.

Матвей спускается в деревню, некоторое время шатается там по рынку, соотнося местный ассортимент со своими нежными детскими воспоминаниями, и наконец с каменным лицом приобретает там пластмассовую игрушку – большого пупса, из тех, которыми девочки играют. Затем парень возвращается в монастырь и там в мастерской, все с тем же каменным лицом, разбирает игрушку на составные части, откручивая ей руки-ноги и голову. И это пока самое невинное из того, что Матвей намеревается в конечном итоге с игрушкой сделать. Зрителей на это дело, ясен красен, Болотов совершенно не приглашает – но зритель находится сам, зачем-то влезает в мастерскую и там тормозит на пороге удивленной статуей. Матвей неодобрительно вопрошает: – Ча? – подразумевая "что ты от меня хочешь, человеке?", и запускает в мужчину пупсовой пластмассовой ногой. Уйди, мол, не мешай творческому процессу.

Киллиан Харди

Брошенную в него игрушечную ногу Киллиан поймал на лету, отбросил в сторону с раздражением. В эту мастерскую его привлек огонек, которого не должно было тут быть. И вот пожалуйста, сидит тут парень и увлеченно потрошит куклу. При это вид у него заправского маньяка. Встреть его Харди несколько лет назад - свернул бы шею сразу, а потом бы задавал вопросы. Но странствия и монастырь несколько поуспокоили его нервную систему. Поэтому сначала он все же задал вопрос:

- Что ты делаешь, придурок?

А уж потом приготовился бить морду неадекватному типу. А в том, что бить морду придется - Киллиан не сомневался. Такие психи не понимают слов.

Матвей Болотов

На "придурка" Матвей совершенно не обижается, только понимающе скалится в

ответ. На такого гуманоида, какого представляет из себя парень, это вполне нормальная, адекватная реакция. Прекрасная итальянка, вон, вообще "гоблином" костерила. Как некоторые мастерицы ухитряются по отношению к Болотову все равно демонстрировать ровную, заботливую, искреннюю ласку – вот уж всем загадкам загадка. Потому что это ангелицы в обличье мастериц, не иначе.

– Кулаки разожмите. Вот здесь, в голове, – советует Матвей и наворачивает пальцем круги возле виска, показывая, где именно мужчине следует разжать кулаки. Аура незнакомца стремительно наполняется перечно-острой, агрессивной готовностью идти в бой, о чем Болотов незамедлительно и сообщает: – А то вы так хотите мне нос набок свернуть, что этот нос у меня аж отсюда чешется.

Вопреки тому, что парень сам чувствует, как ему готовы в любой момент зарядить в морду, давать объяснения Матвей не торопится, едва ли не нарочито растягивая каждый свой жест. Вытаскивает из кармана пачку сигарет и зажигалку, неспешно закуривает – интуиция подсказывает, что перед Болотовым ни разу не мастер и не блюститель правил, и втык за курение ему не грозит – и, только выпустив первое облако дыма, наконец сообщает: – Дымовуху делаю. Нас же тут воевать вообще-то грозят. Ча, вы никогда дымовую шашку своими руками не собирали?

Киллиан Харди

Харди тяжело вздохнул. Пацан, оказался то ли менталистом, то ли эмпатом. Но намерения мужчины угадал верно. Впрочем, идея у него была относительно верная.

- А теперь расскажи, что для этого тебе во-первых надо издеваться над куклой, а во-вторых, что твоя дымовуха сделает против магов? Глаза запудрит на пару секунд? И ты ошибся, мне не нос тебе свернуть хотелось, а головой об стену двинуть. Разные вещи, - на лице Киллиана появилась усмешка.

Конечно, в войне все средства хороши, но тут намечалась не война, а оборона. И те, кто мог им противостоять, только повеселились бы над изувеченным пупсом. А то и еще предложили бы пару-тройку иных вариантов использования куклы. Абсолютно непристойных.

- И как именно ты намеревался использовать эту... это... - Киллиан ткнул пальцем в останки куклы в руках Матвея. - Проще говоря, ты вообще понимаешь, как делают дымовухи и что они делают?

Матвей Болотов

– А хоть бы и глаза запудрит. Все одно лучше, чем с голой жопой, – пожимает плечами Матвей. Сбить парня с намеченного курса, высказывая сомнение в его умственных способностях, невозможно: Болотов при случае охотно соглашается, что он дурак и что вы там еще пожелаете про него придумать, и под этим венком свежесорванных прозвищ прёт дальше, почти даже не моргая. В глубине души-то парень отлично знает, что он прав, и умница, и лучше знает, а как оно смотрится со стороны и какие сомнения вызывает у окружающих – дело глубоко десятое.

На обвинение в том, что намерение мужчины он угадал не в точности, а в общих только чертах, Матвей не реагирует вообще, только нагло смотрит прозрачными глазами и продолжает курить. Главное, что желание пустить в ход руки угадано, на нем-то все и строится. Болотов снова оживляется только тогда, когда речь вновь заходит про разобранную куклу, и с усмешкой отвечает: – Дымят, вестимо, от слова

"дым". Пластмасса с таких вот лупоглазых дымит на загляденье. Зажженную крышку еще хорошо швырять, да где ж ее тут возьмешь, – сетует Матвей. Стряхивает с сигареты пепел и по-шмелиному деловито объясняет: – Пластмассу крошить, в тряпку завернуть, поджечь и швырять под ноги с криком "Кавабанга!". Курс юного подрывника для десятилетних дебилов, все строго по секретным документам. – У Матвея детство было в меру буйное, там таких "секретных документов" еще немало осталось, их только вытащить из памяти да и шпарить по ним. Вдруг какой толк все же выйдет.
